

УДК 94"04/14"+94(430).02+94(430)(093)

СТАНОВЛЕНИЕ ГАНЗЕЙСКОГО СОЮЗА (X – первая половина XIV в.)

Т.Ф. Хайдаров

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Эпоха Средних веков явила на свет множество вариантов объединений и структур, имевших в основе ранее не известную корпоративную культуру. В условиях общего кризиса государственного строительства развитого средневековья такие союзы смогли в кратчайшие сроки стать культурными центрами, местами притяжения людей, капиталов и товаров. Наиболее ярко это выразилось в конце XI в. во время общеполитического кризиса Священной Римской империи германской нации (Германии), прямым результатом чего явилось становление в балтийско-северноморском регионе Ганзейского союза. До сих пор в отечественной историографии вследствие незнания первоисточников на старонемецком и латинском языках достаточно однобоко оценивается деятельность данного торгового объединения, что зачастую приводит к фактологическим ошибкам. В статье на основе текстологического анализа прослежена эволюция Ганзы и сделан вывод о том, что ее необходимо рассматривать в первую очередь как корпорацию любекского купечества, стремившуюся к получению наибольшей выгоды и защите своих экономических интересов.

Ключевые слова: Ганзейский союз, средневековые объединения немецких купцов, немецкая колонизация балтийского земель, Любек, Данциг, Дания

Традиционное представление отечественных историков о причинах возникновения Ганзы и ее внутренней структуре базируется на идеях исследователя XIX в. немецкого происхождения Г.П. Раушника [1]. Согласно этой позиции происхождение и становление Ганзейского союза как крупного экономического и политического объединения Средних веков явилось следствием развития торговых связей с Новгородом и Русью. Отчасти господство подобной точки зрения в отечественной историографии объясняется простым незнанием немецких первоисточников. Несмотря на появление в последние годы в русскоязычной историографии новых исследований, осветивших различные аспекты деятельности ганзейского купечества в русских княжествах, взгляд на это объединение в целом остается традиционным (см. [2–4]).

Между тем при более глубоком рассмотрении ганзейской торговли возникает множество вопросов. Без осмысления психологии и межличностных отношений ганзейских купцов делать выводы крайне затруднительно. По мнению одного из крупнейших немецких историков Ганзы XX в. К. Фридланда, именно

личностные качества и характер ганзейского купца, его умение рисковать, быстрота реакции и гибкость во взаимоотношениях с партнером, а не стремление к получению максимальной прибыли от торговли легли в основу лидерства Ганзейского союза в Северной Европе [5]. Исходя из этого, можно утверждать, что смелость и умение оперативно реагировать, свойственные нижненемецкому купечеству, представлявшему в X – XI вв., скорее, вооруженную «толпу, несущую массу неприятностей» (*cohors*) [6, S. 60], стали фундаментом системы ценностей ганзейского торговца. Правда, уже в начале XI в. в связи с переходом в англо-нижненемецкой торговле к товарам широкого потребления и, как следствие, разрушением монополии фризских купцов хаотические, индивидуальные и единичные сделки сменяются системой постоянно действующих торговых пунктов дальней торговли в устье Рейна и Маасы. Именно на этот регион указывают многочисленные письменные источники и данные археологических раскопок, доказывающие идею бельгийского историка А. Пиренна о возникновении к началу XI в. средневекового торгового центра Северной Европы с последующей быстрой специализацией и дифференциацией производства в городах Фландрии, Вестфалии и Северной Франции [7].

В начале XI в. происходит усиление позиций нижненемецкого купечества в указанном регионе, что подтверждает текст грамоты английского короля Этельреда II. Согласно этому источнику торговцам, прибывшим из районов восточнее Шельды, были дарованы привилегии, уравнившие их в правах с местными лондонскими купцами. Однако это решение английских властей так и не разрешило назревавшего торгового конфликта с фризскими купцами. Для предотвращения в будущем торговых столкновений и обеспечения безопасности купцы из одного или несколько соседних германских городов стали организовывать объединения, так называемые долгосрочные гильдии – «ганзы», или “*wikbelde*” [8].

Наиболее спорные моменты, как свидетельствуют источники фламандского города Гента, выносились на обсуждение на общем купеческом собрании в актовом зале (*aula*). Причем на подобные собрания допускались лишь те представители немецкого купечества, которые проживали длительное время на территории города и его округа, обладали какими-нибудь таможенными привилегиями. Однако следует признать, что на данном этапе эти объединения нижненемецких торговцев еще не имели решающего слова в ведении торговых дел с контрагентами (Гентом и другими североевропейскими городами). Движущей силой городской торговли, как и прежде, оставалось контролируемое местными властями товарищество нижненемецких купцов Сант-Омер¹ [6, S. 62].

К середине XII в. товарищества нижненемецких купцов, аналогичные гентскому, возникают в Англии, Шотландии, Ирландии и Франции. Вся деятельность будущих гильдий (*gilda mercatoria*) Ганзы строилась на опыте, полученном немецкими купцами в Генте при организации товарищества. В первую очередь это заключалось в замкнутости в хозяйственном и правовом отношении, наличии хорошо развитых межличностных связей, строгом следовании торговому законодательству. Объединенные по принципу родственных связей, общей родины или торговой специализации, созданные прежде всего как институт

¹ Названо в честь расположенного близ Гента монастыря.

защиты торговой и ремесленной деятельности нижненемецких купцов в английских, датских и саксонских городах, эти товарищества очень скоро начинают отодвигать на задний план фризских торговцев [8, S. 20].

Параллельно с процессом создания товариществ, с одной стороны, стал усиливаться контроль за деятельностью немецких купцов, что в условиях стремительного ослабления императорской власти вылилось в формирование системы патентов [9, S. 201]. Свидетельством этому является присутствие в письменных источниках словосочетания «купцы королевских городов» [8, S. 10]. С другой стороны, начались немецкая колонизация славянских земель и строительство новых городов. До середины XII в. восточная колонизация оставалась в целом феодально-дворянским предприятием по захвату славянских территорий. Примерно с 1160 г. к этому процессу присоединяются нижненемецкие купцы, которые под покровительством отдельных крупных феодалов немецкого и славянского происхождения возводят на месте старых славянских поселений «новые немецкие города».

Главными отличиями этих новых городов от старых являлись применение городского права, а также использование новой экономической базы – феодализма, основанного на сильных личностных связях феодала и вассала [10, с. 10]. Соответственно, важную роль в дальнейшем развитии новых городов стали играть сплоченные с помощью присяги и личных связей корпоративные группы жителей: городская община, ремесленные цеха и купеческие гильдии. Именно они смогли посредством сложившихся в конце XII в. структур городского управления (*Rat*) и городского права создать полностью автономную от феодалов экономическую и политическую единицу – средневековый город.

Важную роль в становлении будущих ганзейских городов сыграли различные группы нижненемецких купцов из Вестфалии, Саксонии и Бремена. Зачастую эти группы обладали различными юридическими традициями, проявлявшимися при составлении законодательных актов новых городов. Наибольшее влияние на развитие законодательства Ганзы оказало магдебургское право. Возникший как логическая эволюция дортмундского права, этот вариант немецкого права позволил, с одной стороны, достаточно безболезненно адаптировать нижненемецких колонистов к новой среде, а с другой – значительно расширить зону распространения немецкого городского законодательства. Всё это привело к тому, что даже при увеличении вариантов магдебургского права (любекское, гошларское или польское «германское» право²) сохранялась единая система городского права, где решение судов вестфальских городов оставалось решающим при апелляции и вынесении окончательных постановлений [11, с. 183]. Еще больше расширяло сферу действия немецкого права наличие родственных связей между жителями «материнских» и «дочерних» городов, поэтому зачастую законодательство и экономическая система первых становилась для вторых примером для подражания [12, с. 192].

Для ганзейских городов таким «идеальным типом» [13, с. 339] для подражания стал основанный в конце XII в. на землях полабских славян Любек [14,

² В Польше под германским правом прежде всего понималась Кульмская грамота, в основе которой лежали любекское право, горное право Фрайбурга и права вестфальских городов.

S. 254]. Уже в 1226 г. Любек получает статус имперского города. Столь стремительный подъем нового города стал возможен только в условиях целенаправленной финансовой и политической поддержки немецкой колонизации среди различных кругов германской империи (герцога Саксонского, германского императора и купеческих товариществ) [2, с. 18].

Не последнюю роль этом процессе сыграл Бремен [15, S. 6]. Являясь практически с начала XII в. вторым Римом для Балтийского региона и главными морскими воротами для нижненемецкого купечества, этот город фактически санкционировал проведение активной христианизации и немецкой колонизации восточных земель. Доказательством тому служат тексты многочисленных письменных источников³. Причём именно бременское рыцарство упоминается в качестве основателей Любека [17, S. 26], а прототипом «Товарищества посещающих Готланд купцов Римской империи» называется объединение бременских купцов, торговавших на востоке, “vulfila” [9, S. 197]. Несмотря на то что лидирующие позиции бременского товарищества купцов в балтийской торговле не нашли должного отражения в письменных источниках⁴, влияние, оказываемое самим Бременом на новые немецкие города (Любек, Рига и т. д.), оставалось значительным, хотя и ограничивалось лишь передачей традиций в системе управления [6, S. 72]. Данная тактика Бремена хорошо вписывалась в уже сформировавшуюся систему органов территориальной власти на колонизируемых славянских землях. Местный феодал, выступая в качестве локатора, предоставлял возможность немецкой купеческой общине самостоятельно решать вопросы своего дальнейшего развития. При этом он сохранял за собой право финансового и законодательного контроля над деятельностью общины с помощью системы административно-хозяйственных единиц княжеского землевладения – амтов, возглавляемых чиновниками из дворян и министералов, служивших у князей за жалование [2, с. 48].

Первоначально в Любеке действовала именно такая система управления. Однако уже в начале XIII в. она начинает претерпевать кардинальные изменения. Благодаря целенаправленной политике властей по усилению позиций города как в балтийской торговле, так и по онемечиванию местных земель [12, с. 126] в Любеке к 1225 г. сформировалась система управления во главе с советом городской общины (магистратом) и советом товарищества любекских купцов, то есть «советом отцов-основателей города» [14, S. 253].

Немецкий исследователь средневекового Любека Ф. Рёриг, изучив подробно городское право, пришел к выводу о значительном влиянии, оказанном на местное судопроизводство, законодательств городов Дортмунда и Фрайбурга [14, S. 252]. На это указывает не только общее число постоянных членов магистрата, обладающих законодательным правом (*conjuratores fori*), равное двадцати членам, но и сама практика ведения городского делопроизводства. Фактически

³ Статистические данные бременских церковных хроник, указывающие, что большинство живших среди латышей и ливов священников прибыли именно из Бремена и его округи; хроники орденского капеллана Германа Вартенбергского, Ринесбреха и Шена, сообщающие, что созданный в 1159 г. ливонский орден был детищем исключительно горожан и рыцарства Бремена (см. [15, S. 36; 16, с. 26]).

⁴ См. Новгородскую скру (1260) и торговый трактат датского короля Вальдемара II (1229), документально закрепившие установившиеся еще в XII в. торговые взаимоотношения между немецкими городами и Русью.

традиция вестфальских купеческих гильдий (товариществ), когда решения по всем вопросам выносятся на общем совете, получила дальнейшее развитие.

К середине XIII в., опираясь на прямую поддержку императора и отодвинув на задний план герцогского фогта⁵ и магистрата, «совет отцов-основателей» фактически становится единовластным хозяином Любека [2, с. 50]. При формальном сохранении властных позиций магистрата последний, как и прежде, скреплялся личной клятвой, данной гильдией любекских купцов (*mercatores peronati*). Как в любой средневековой корпорации, все члены этого объединения обладали правом голоса, поэтому окончательные решения магистрата выносились только после согласования с каждым из членов совета товарищества.

Дальнейшая эволюция членов «совета отцов» (*conjuratores fori*) в членов городского сената (*consules*) привела к становлению любекского патрициата как корпорации купцов, стремившейся создать для защиты своих интересов единую торговую сеть во главе с Любеком с общими правилами ведения торговли (*ansa*) [26, S. 296]. Для реализации этого плана предполагалось сформировать на наиболее важных торговых путях или их пересечениях целую сеть строго контролируемых торговых контор [18, с. 135].

Во второй половине XII в. наиболее значимым направлением для немецких купцов становится новгородское. Любеку благодаря договорам с Готландом (1163) и грамоте Фридриха I (1188 г.) [3, с. 40] удалось получить статус третейского судьи в разрешении наиболее спорных моментов в торговых сделках с Новгородом и даже распространить свое торговое право на законодательство подворья Св. Петра, частично включив его в текст нового договора (1191/1192 г.) и так называемой Новгородской скры [3, с. 21]. Однако полностью монополизировать новгородскую торговлю любекские купцы так и не смогли.

Среди главных причин этой неудачи можно назвать датскую экспансию в Балтийском регионе и отсутствие любекских торговых факторий на всем протяжении пути до Новгорода. Первая проблема была решена после победы коалиции северонемецких городов над датчанами в битве при Борнхёведе (1227) за счет создания любекско-гамбургского оборонительного союза [1, с. 28], переросшего в 1255 г. в политическое объединение равноправных членов (*stede van der dudeshen Hense*) [2, с. 30].

Вторая проблема любекского купечества должна была разрешиться путем создания по образу и подобию Любека новых городов. Благодаря использованию любекского права в местном судопроизводстве эти города, по мнению «совета отцов города», должны были стать центрами притяжения местных капиталов и ресурсов. При этом основанные в начале XIII в. фламандскими и вестфальскими колонистами города (Рига, Ревель, Дерпт) не могли претендовать на указанную роль, так как являлись скорее управляемыми напрямую колониями, нежели свободными территориями, «предоставляющими равные возможности для всех» [12, с. 213]. Таким образом, любекская градостроительная программа предполагала создание единого законодательного пространства, базирующегося на самостоятельных политических единицах – средневековых городах. Использование в судопроизводстве этих городов любекского права не только

⁵ Представитель саксонского герцога в городе.

снимало финансовую нагрузку с Любека, но и значительно расширяло рынки сбыта для городских товаров.

Большую роль в процессе реализации любекской градостроительной программы сыграло наличие личных связей «совета отцов города» с Великим магистром Тевтонского ордена Германом фон Зальца. О существовании подобных связей свидетельствует грамота 1226 г. Согласно тексту этого источника для переговоров с королем Дании Вальдемаром II Шлезвигским в Любек прибыл представитель императора – Великий магистр Тевтонского ордена. Как свидетельствуют остальные средневековые источники, отношения между немецкими купцами и орденом завязались еще в период первого крестового похода [2, с. 21].

Заинтересованность обеих сторон в друг в друге была очевидная. Любекские купцы через финансовую поддержку орденских рыцарей старались получить доступ к сети немецких поселений, располагавшихся близ католических монастырей, и вновь завоеванным землям. В то же время представителям ордена крайне необходимы были любекские суда для организации снабжения воюющих рыцарей. По этой причине Великий магистр Тевтонского ордена Герман фон Зальца в самом начале крестовых походов в Прибалтику (около 1230 г.) не стал препятствовать Любеку в реализации самостоятельной урбанистической программы [16, с. 69].

Третьей стороной, заинтересованной в появлении любекских купцов, стал померелльский князь Святополк II. Он с самого начала попытался установить контроль за немецким колонистами путем целенаправленного расширения привилегий и предоставления своего варианта «немецкого права» (см. [19–24]). Один из главных итогов такой политики – усиление позиций любекских купцов в прусско-висленском регионе. Это привело к появлению в данном регионе созданных по образу и подобию Любека лояльных померелльскому князю и любекскому «совету отцов» новых городов (Данциг, Эльбинг, Тчев, Кёнигсберг и др.). Так, в Данциге к концу 50-х – началу 60-х годов XIII в. обосновавшаяся община любекских купцов смогла не только значительно расширить свои торговые привилегии, но и настоять на принятии в городе особого списка любекского права [12, с. 193; 22; 24, S. 19, 32]. Фактически померелльский город становился дочерним по отношению к Любеку, а данцигский городской суд – филиалом любекского суда.

Пример с Данцигом наглядно демонстрирует сложившуюся в балтийском регионе во второй половине XIII в. систему взаимоотношений между Любеком и новыми городами (Росток, Висмар, Грайфсвальд, Штральзунд, Штетин и др.). Основой данной системы следует признать наличие между богатыми немецкими купцами хорошо сложившихся отношений, порой переходивших в близкородственные связи (см. RLBM). Находившийся на вершине этих отношений любекский магистрат во главе с «советом отцов города» становился главным третейским судом при разрешении наиболее спорных моментов. Правда, в конце XIII в. любекский магистрат оставался еще достаточно открытым учреждением. Его членом мог стать любой представитель богатого купечества из других балтийских городов, внесший заявленную сумму или выбранный на общих основаниях [25, с. 13]; в списках членов городского совета того периода можно встретить упоминания о подобных случаях [26, S. 860].

Личные связи между купцами, как правило, закреплялись посылкой специально подготовленного варианта любекского права. Тем самым устанавливалась прямая зависимость новых городов от решений городского совета Любека [12, с. 192]. В то же время использование в крупных немецких городах различных вариантов городского права длительное время не позволяло сформировать единые правила ведения торговли. Лишь к 1281 г. при подписании Ростоцкого мира будущие члены Ганзы смогли под влиянием общих экономических целей в русских княжествах, Польше, Скандинавии и Фландрии выработать концепцию построения единого торгового союза.

В основу указанной концепции была положена идея экономической общности немецких городов во главе с Любеком [27, S. 49]. Согласно этой идее все разногласия и споры, возникшие между членами, должны были быть разрешены коллегиально на общих ежегодных съездах (*Hansetag*), проводившихся под председательством «совета отцов города». Законодательным стержнем будущего союза должно было стать именно любекское право или модернизированное с учетом законодательства Любека местное законодательство.

Для более стабильного функционирования объединения вся территория была поделена на судебно-территориальные округа – трети (вестфальско-ливонскую, вендско-прусскую и фландрийско-рейнскую)⁶. Подобное территориальное разделение позволило любекскому «совету отцов», превратившемуся к тому моменту в городской патрициат, не особо конфликтуя с остальными немецкими купцами, значительно расширить рынок сбыта.

Большую роль в процессе дальнейшего становления Ганзейского союза сыграло формирование системы автономных контор, закрепленных за каким-нибудь крупным немецким городом. За Любеком были закреплены четыре крупнейшие ганзейские конторы (брюггская, лондонская, бергенская и данцигская). Основными их функциями являлись таможенный контроль за ввозимым извне товаром, обмен валюты, сбор информации экономического, политического и религиозного характера.

В итоге проведенных в конце XIII в. реформ было сформировано единое правовое и экономическое пространство городов Северного и Балтийского морей во главе с Любеком и его патрициатом. Лидирующие позиции последних еще больше упрочились после установления контроля над люнебургской солью и норвежской сельдью [2, с. 184; 28, с. 23]. Это позволило резко увеличить численность городского флота и, как следствие, вызвало рост доходов городской казны, повышение статуса города на международной арене. Правда, об окончательном установлении лидерства Любека в североевропейском регионе говорить не приходилось [27, S. 48]. Наличие крупных конкурентов в лице итальянцев, французов и голландцев, а также датский контроль над «балтийскими воротами» – Зундским проливом – сильно мешали реализации этих планов [2, с. 23].

В конце XIII в. в североевропейском судостроении происходит смена поколения судов: место небольших и схожих с викингскими дракарами судов занимает более вместительный и устойчивый ганзейский когг. Его появление

⁶ К середине XIV в. в составе Ганзы насчитывалось 9 третей: вендская, вестфальская, саксонская, магдебургская, шведская, фландрийская, померанская, прусская и ливонская.

напрямую способствовало резкому увеличению товарооборота и, соответственно, революции в торговом деле Северной Европы. Вместо челночных и единичных торговых операций возникли постоянно действующие торговые тракты. Взаимоотношения между европейскими купцами перешли из плоскости личных связей к ведению деловой переписки. Группой купцов, наиболее подготовленной к новым условиям введения торговли, оказался любекский патрициат.

Обладая довольно развитой сетью торговых факторий и имея на вооружении достаточно большое количество новейших коггов, постоянно снабжавшихся солено-сушеной рыбой, любекская гильдия купцов смогла в конце XIII – первой половине XIV в. создать на базе старого любекско-гамбургского оборонительного союза новое во главе с Любеком военно-политическое объединение немецких городов (*der dudeshen Hense*). Как показывает практика проведения первого общеганзейского съезда (1356), в основу Ганзы был положен принцип единоначалия. Хотя принцип коллегиальности и был заявлен в качестве основного, решающее слово всегда оставалось за представителями любекского патрициата. Прямое нарушение или простое игнорирование установленных правил и решений съезда или любекского суда каралось в лучшем случае торговой блокадой, а в худшем – изгнанием из рядов партнеров Ганзы или полным бойкотом торговли нарушителя. Фактически любекским «советом отцов города» экономические методы борьбы с конкурентами были приравнены к политическим. Используя их для достижения своих внешнеполитических целей, любекский патрициат уже к 1350 г. смог не только установить контроль над протянувшейся от Новгорода до Лондона и от Норвегии до Фландрии мощной торговой сетью [2, с. 31], но и в значительной мере расширить зону применения городского права.

Исходя из этого, следует признать, что, несмотря на все изменения, Ганза, как и прежде, оставалась объединением любекских купцов. Использование для разрешения торговых споров любекского права или решений городского суда среди представителей остального немецкого купечества, зачастую связанных по родственной линии с любекским, позволяет говорить о городских структурах Любека как о системообразующих для всех членов союза. Следовательно, под понятием «любекский купец» нужно подразумевать не только выходцев из города, но и немецких купцов, являвшихся членами магистрата Любека. А возглавляемый ими Ганзейский союз следует рассматривать прежде всего как корпорацию любекского купечества, стремившуюся к получению наибольшей выгоды и защите своих экономических интересов.

Источники

RLBM – Regesten der Lübecker Bürgertestamente des Mittelalters / Hrsg. A. Brandt von. – Lübeck: M. Schmidt-Römhild, 1964. – Bd. 1. – 246 S.; 1973. – Bd. 2. – 379 S.

Литература

1. Раушник Г.П. История немецкой Ганзы. – М.: Тип. Н. Степанова, 1842. – 204 с.
2. Подаляк Н.Г. Ганза: Мир торговли и политики в XII – XVII столетиях. – Киев: [б. и.], 1998. – 202 с.

3. *Сквейрс Е.Р., Фердинанд С.Н.* Ганза и Новгород: Языковые аспекты исторических контактов. – М.: Индрик, 2002. – 368 с.
4. *Рыбина Е.А.* Новгород и Ганза. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 320 с.
5. *Friedland K.* Die Hanse. – Würzburg: Holzner Verlag, 1954. – 31 S. (Der Göttinger Arbeitskreis. N. 40)
6. *Stein W.* Hansa // *Hansische Geschichtsblätter.* – 1909. – Bd. 15, N. 36. – S. 53–113.
7. *Пуренн А.* Средневековые города Бельгии / Пер. с фр. под ред. Е.А. Косминского. – СПб.: Евразия, 2001. – 512 с.
8. *Nitzsch K.W.* Die Übertragung des Soester Rechts auf Lübeck und der älteste Marktverkehr des deutschen Binnenlandes // *Hansische Geschichtsblätter.* – 1884. – Bd. 4. – S. 9–22.
9. *Schaube K.* Noch einmal zur Bedeutung von Hansa // *Historische Vierteljahrschrift.* – 1908. – N. 15. – S. 194–221.
10. *Экле О.Г.* Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья / Пер. с нем. и предисл. Ю. Арнаутовой. – М.: Нов. лит. обозрение, 2007. – 360 с.
11. *Ле Гофф Ж.* Рождение Европы / Пер. с фр. А. Поповой. – М.: Alexandria, 2007. – 400 с.
12. *Барнетт Р.* Становление Европы: Экспансия. Колонизация, изменения в сфере культуры. 950–1350 гг. / Пер. с англ. С.Б. Володиной. – М.: РОССПЭН, 2007. – 432 с.
13. *Вебер М.* История хозяйства. Город. – М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. – 576 с.
14. *Rörig F.* Hansische Beiträge zur deutschen Wirtschaftsgeschichte. – Breslau: Ferdinand Hirt, 1928. – 310 S.
15. *Schäfer D.* Bremens Stellung in der Hanse // *Hansische Geschichtsblätter.* – 1878. – Bd. 2. – S. 3–49.
16. *Бокман Х.* Немецкий орден. Двенадцать глав из его истории / Пер. с нем. В.И. Матузовой. – М.: Ладомир, 2004. – 303 с.
17. *Höhlbaum K.* Die Gründung der deutschen Kolonie an der Düna // *Hansische Geschichtsblätter.* – 1872. – Bd. 1. – S. 21–65.
18. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв.: в 3 т. / Вступ. ст. и ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: Весь мир, 2006. – Т. 2. – 672 с.
19. *Keyser E.* Neue Forschungen über die Entstehung der Stadt Danzig // *Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins.* – 1939. – N. 75. – S. 57–137.
20. *Keyser E.* Die Besiedlung der Altstadt Danzig // *Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins.* – 1921. – N. 61. – S. 149–192.
21. *Keyser E.* Olivaer Studien II // *Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins.* – 1928. – N. 68. – S. 5–60.
22. *Koebner R.* Urkundenstudien zur Geschichte Danzigs und Olivas von 1178 bis 1342 // *Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins.* – 1934. – N. 71. – S. 5–85.
23. *Friederichs H.* Die Gründung der Stadt Danzig // *Hansische Geschichtsblätter.* – 1936. – Bd. 61. – S. 138–173.
24. *Simson P.* Geschichte der Stadt Danzig: in 4 Bde. – Danzig: A.W. Kafermann, 1913. – Bd. 1. – 423 S.
25. *Никулина Т.С.* Городская элита Любека (XIII – XVI вв.) // *Городской социум: политические и социокультурные элиты прошлого и настоящего: Межвуз. сб. науч. тр.* – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. – С. 12–23.

26. *Daenell E.R.* Die Blütezeit der deutschen Hanse: in 2 Bde. – Berlin: Reimer, 1906. – Bd. 2. – 561 S.
27. *Häpke R.* Die ökonomische Landschaft und die Gruppenstadt in der älteren Wirtschaftsgeschichte: in 3 Bde. // Die Stadt des Mittelalters / Hrsg. C. Haase. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1973. – Bd. 3. – S. 33–54.
28. *Рогачевский А.Л.* Кульмская грамота – памятник права Пруссии XIII в. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. – 368 с.

Поступила в редакцию
30.11.17

Хайдаров Тимур Фаритович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: timkh2000@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)
2018, vol. 160, no. 3, pp. 723–734

**The Formation of the Hanseatic League
(the 10th – First Half of the 14th Centuries)**

T.F. Khaydarov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: timkh2000@yandex.ru

Received November 30, 2017

Abstract

The era of the Middle Ages gave rise to a great variety of unions and structures based on a previously unknown corporate culture. Under the conditions of the global crisis in state building of the developed Middle Ages, these unions and structures could in the shortest possible time become cultural centers, as well as the places that attracted people, capitals, and goods. This situation bloomed in the end of the 11th century during the political crisis of the Holy Roman Empire of the German Nation (Germany). The direct result was the formation of the Hanseatic League in the Baltic-North Sea region. Up to now, due to the poor understanding of the sources in Old German and Latin languages, the activity of the Hanseatic League has been assessed in Russian historiography from a single perspective only, which often led to factual errors. Using the textual analysis of the main concepts, the evolution of Hansa has been traced. It has been concluded that Hansa should be considered as a corporation of the Lübeck merchants, who wanted to get the highest possible profit and protect their economic interests.

Keywords: Hanseatic League, medieval associations of German merchants, German colonization of Baltic lands, Lübeck, Danzig, Denmark

References

1. Raushnik G.P. *Istoriya nemetskoj Ganzy* [History of the German Hansa]. Moscow, Tip. N. Stepanova, 1842. 204 p. (In Russian)
2. Podalyak N.G. *Ganza: Mir trgovli i politiki v XII – XVII stoletiyakh* [Hansa: The World of Trade and Politics in the 12th – 17th Centuries]. Kiev, [b.i.], 1998. 202 p. (In Russian)

3. Skvayrs E.R., Ferdinand S.N. *Ganza i Novgorod: Yazykovye aspekty istoricheskikh kontaktov* [Hansa and Novgorod: Linguistic Aspects of Historical Contacts]. Moscow, Indrik, 2002. 368 p. (In Russian)
4. Rybina E.A. *Novgorod i Ganza* [Hovgorod and Hansa]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2009. 320 p. (In Russian)
5. Friedland K. *Die Hanse*. Würzburg, Holzner Verlag, 1954. 31 S. (Der Göttinger Arbeitskreis. H. 40) (In German)
6. Stein W. Hansa. *Hansische Geschichtsblätter*, 1909, Bd. 15, H. 36, S. 53–113. (In German)
7. Pirenne H. *Srednevekove goroda Bel'gii* [Medieval Cities of Belgium]. St. Petersburg, Evraziya, 2001. 512 p. (In Russian)
8. Nitzsch K.W. Die Übertragung des Soester Rechts auf Lübeck und der älteste Marktverkehr des deutschen Binnenlandes. *Hansische Geschichtsblätter*, 1884, Bd. 4, S. 9–22. (In German)
9. Schaube K. Noch einmal zur Bedeutung von Hansa. *Historische Vierteljahrschrift*, 1908, Jg. 15, S. 194–221. (In German)
10. Ecle O.G. *Deystvitel'nost' i znanie: ocherki sotsial'noi istorii Srednevekov'ya* [Reality and Knowledge: Essays on Social History of the Middle Ages]. Moscow, Nov. Lit. Obozr., 2007. 360 p. (In Russian)
11. Le Goff J. *Rozhdenie Evropy* [The Birth of Europe]. Moscow, Alexandria, 2007. 400 p. (In Russian)
12. Bartlett R. *Stanovlenie Evropy: Ekspansiya. Kolonizatsiya, izmeneniya v sfere kul'tury. 950–1350 gg.* [The Making of Europe: Conquest, Colonization and Cultural Change. 950–1350]. Moscow, ROSSPEN, 2007. 432 p. (In Russian)
13. Weber M. *Istoriya khozyaistva. Gorod* [Economic History. City]. Moscow, Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole, 2001. 576 p. (In Russian)
14. Rörig F. *Hansische Beiträge zur deutschen Wirtschaftsgeschichte*. Breslau, Ferdinand Hirt, 1928. 310 S. (In German)
15. Schäfer D. Bremens Stellung in der Hanse. *Hansische Geschichtsblätter*, 1878, Bd. 2, S. 3–49. (In German)
16. Boockmann H. *Nemetskii orden. Dvenadtsat' glav iz ego istorii* [Teutonic Order. Twelve Chapters from Its History]. Moscow, Ladomir, 2004. 303 p. (In Russian)
17. Höhlbaum K. Die Gründung der deutschen Kolonie an der Düna. *Hansische Geschichtsblätter*, 1872, Bd. 1, S. 21–65. (In German)
18. Brodel' F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV – XVIII vv.* [Material Civilization, Economics, and Capitalism, 15th – 18th Centuries]. Afanas'ev Yu.N. (Ed.). Vol. 2. Moscow, Ves' Mir, 2006. 672 p. (In Russian)
19. Keyser E. Neue Forschungen über die Entstehung der Stadt Danzig. *Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins*, 1939, H. 75, S. 57–137. (In German)
20. Keyser E. Die Besiedlung der Altstadt Danzig. *Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins*, 1921, H. 61, S. 149–192. (In German)
21. Keyser E. Olivaer Studien II. *Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins*, 1928, H. 68, S. 5–60. (In German)
22. Koebner R. Urkundenstudien zur Geschichte Danzigs und Olivas von 1178 bis 1342. *Zeitschrift des Westpreussischen Geschichtsvereins*, 1934, H. 71, S. 5–85. (In German)
23. Friederichs H. Die Gründung der Stadt Danzig. *Hansische Geschichtsblätter*, 1936, Bd. 61, S. 138–173. (In German)
24. Simson P. *Geschichte der Stadt Danzig*. Bd. 1. Danzig, A.W. Kafermann, 1913. 423 S. (In German)
25. Nikulina T.S. The city elite of Lübeck (13th – 16th centuries). In: *Gorodskoi sotsium: politicheskie i sotsiokul'turnye elity proshlogo i nastoyashchego* [Urban Society: Political and Sociocultural Elites of the Past and Present]. Saratov, Izd. Sarat. Univ., 2005, pp. 12–23. (In Russian)
26. Daenell E.R. *Die Blütezeit der deutschen Hanse*. Bd. 2. Berlin, Reimer, 1906. 561 S. (In German)
27. Häpke R. Die ökonomische Landschaft und die Gruppenstadt in der älteren Wirtschaftsgeschichte. In: *Die Stadt des Mittelalters*. Haase C. (Hrsg.). Bd. 3. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1973, S. 33–54. (In German)

28. Rogachevskii A.L. *Kul'mskaya gramota – pamyatnik prava Prussii XIII v.* [The Kulm Charter – a Legal Document of Prussia in the 13th Century]. St. Petersburg, Izd. S.-Peterb. Univ., 2002. 368 p. (In Russian)
-

⟨ **Для цитирования:** Хайдаров Т.Ф. Становление Ганзейского союза (X – первая половина XIV в.) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 3. – С. 723–734. ⟩

⟨ **For citation:** Khaydarov T.F. The formation of the Hanseatic League (the 10th – first half of the 14th centuries). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 3, pp. 723–734. (In Russian) ⟩